

ФРАГМЕНТЫ БЫТИЙНОГО ДИСКУРСА В СОСТАВЕ ПУБЛИЦИСТИКИ

© 2008 В.Д.Шевченко

Самарский государственный университет

В статье рассматривается проблема взаимоотношений между различными типами дискурса. Исследуется роль фрагментов бытийного дискурса в рамках современного англоязычного публицистического дискурса.

В состав современного англоязычного публицистического дискурса довольно часто включаются фрагменты текстов, форма и содержание которых обусловлены их жанровой принадлежностью. Иногда в публицистике встречаются фрагменты дневниковых записей, влияющие на восприятие принимающего текста статьи. В подобных случаях данные включения служат в качестве некой текстовой иллюстрации сказанному в принимающем тексте, содержание которой играет особую роль в процессе интерпретации благодаря специфическим характеристикам дневниковых записей (принадлежность непосредственным участникам описываемых в статье исторических событий, связь с предметно-референтными ситуациями, передача индивидуальных впечатлений, касающихся описываемых событий и т.п.).

Рассмотрим пример использования в рамках научно-популярной публицистической статьи фрагментов дневниковых записей, принадлежащих американским переселенцам, совершавшим длительные опасные путешествия с целью поселиться в Калифорнии, описанию которых посвящена статья:

LEAVING MISSOURI

«No pen can adequately describe our start. Half-a-dozen circuses combined in one would have been tame in comparison. Not one of our 300 mules ... had ever had a bit in its mouth or a collar on its neck»

– Bernard J. Reid, recalling his 1849 journey
(National Geographic, September 2000, p. 37)

Жанровой особенностью такого рода текстов является форма повествования от первого лица в виде подневных записей; дневниковые записи отличает также отражение внутреннего мира личности, передача индивидуальных впечатлений о событиях, уча-

стником которых является автор дневника¹. В данном примере мы сталкиваемся с выражением индивидуальных авторских впечатлений об описываемом событии, а именно – передачей эмоционального и оценочного содержания посредством сравнения.

В своих дневниковых записях авторы довольно часто выражают свои эмоции и отношение к описываемым событиям и явлениям; таким образом происходит передача индивидуальных впечатлений, авторского видения событий, например, *«It was an exciting scene, the long train half submerged in the wide expanse of water, the splashing and floundering of the mules, the whoops and yells of the men, and the foam and roar of the dashing waters. <...> Great God, I thought, what a sight lay before us. ... hundreds of teams stretching forward like a great Caravan in line on the dark & winding trace leading toward the setting sun»* (Ibid., p. 38 – 53). Н.Фэркло считает подобные интертекстуальные включения примерами прямой репрезентации дискурса, являющейся самой важной частью медийного текста². Тематика дневниковых записей показывает, что именно из окружающей действительности оказало наиболее сильное влияние на внутренний мир автора.

Как отмечалось выше, фрагменты дневниковых записей иллюстрируют сказанное в принимающем тексте; используя их в качестве включений, автор публицистической статьи предоставляет читателю более конкретную и подробную информацию об описываемых событиях с позиции автора дневника,

¹ *Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. редактор М.И.Панов; сост. М.И.Панов, Л.Е.Тумина. – М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005. – С.635 – 636.*

² *Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992. – С.105 – 107.*

благодаря чему читатель знакомится с субъективным взглядом непосредственного участника исторических событий.

По нашему мнению, дневниковые записи, включенные в состав публицистического дискурса, представляют собой фрагменты бытийного дискурса, в котором предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение в котором носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер и используются все формы речи на базе литературного языка³. Описание автором пережитых событий, повлиявших на его внутренний мир, использование литературных форм речи, а также монологический характер общения делают дневниковые записи похожими на произведения художественной литературы – одну из основных форм представления бытийного общения⁴.

Подобная целеустановка дневниковых записей контрастирует с целеустановкой принимающего публицистического текста, заключающейся в информировании и воздействии на сознание читателя. Следовательно, в этом случае мы наблюдаем пересечение дискурса участников описываемых в статье событий и дискурса автора (публицистического дискурса). Данный прием используется для создания возможности различных интерпретаций⁵. Однако включение фрагментов дневниковых записей является также особым способом воздействия на сознание читателя: как и в большинстве других случаев, включенный текст выступает как усилитель коммуникативной стратегии автора принимающего текста⁶.

При включении в состав публицистического дискурса фрагментов дневниковых записей содержание начинает передаваться путем комбинирования приемов повествования и описания. Повествование представляет со-

бой изложение событий в их последовательности, а описание – это статическая характеристика очевидных, наблюдаемых явлений⁷. Принимающий текст публицистической статьи можно рассматривать как повествовательный; включенные фрагменты дневниковых записей, на наш взгляд, представляют собой описания, поскольку они характеризуют излагаемые в принимающем тексте события с точки зрения их участников.

Особенностью данного фрагмента публицистического дискурса является то, что описание событий прошлого и размышления о них ведутся из настоящего с позиций современного культурно-исторического контекста; автор высказывает свое мнение о людях, совершавших переходы на Запад, на основе исторических данных и дневниковых записей непосредственных участников событий.

Специфика включенных фрагментов бытийного дискурса персонажей состоит в том, что с их помощью происходит передача личного опыта непосредственных участников описываемых в принимающем дискурсе событий, который в результате взаимодействия текстов становится доступен автору статьи и читателю. Знакомство с этим опытом оказывает влияние на восприятие читателем содержания научно-популярной статьи. Автор статьи, а вслед за ним и читатель согласно авторской интенции вступают в диалог с участниками описываемых событий, обращаясь к их внутреннему миру, на который эти события оказали значительное влияние, что дает возможность взглянуть на них с позиции авторов дневниковых записей, а не только с собственной точки зрения. Как и в большинстве других случаев, данный прием используется автором публицистической статьи с целью подтверждения своих слов и более эффективного воздействия на сознание читателя.

Как отмечает У.Эко, пока текст не создан, идет диалог «между создаваемым текстом и остальными, ранее созданными текстами (каждая книга говорит только о других книгах и состоит только из других книг)⁸. Обращение к дневниковым записям в ходе

³ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С.289.

⁴ Там же. – С.289 – 290.

⁵ Лучинская Е.Н. Постмодернистский дискурс: Семантический и лингвокультурологический аспекты интерпретации: Монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. – С.150.

⁶ Масленникова А.А., Третьякова Т.П. Диалектика взаимодействия текстового жанра и авторской интенции // Диалектика текста: В 2 т. – Т.2 / А.В.Зеленщиков, О.В.Емельянова, Л.П.Чахоян и др.; Отв. ред. проф. А.И.Варшавская. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С.105.

⁷ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С.290.

⁸ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / Перев. с итал. Е.А.Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 2003. – С.53.

создания текста публицистической статьи оказывает значительное влияние на его внутреннюю и внешнюю структуры. Фрагменты дневниковых записей не только иллюстрируют сказанное в принимающем тексте, но – наряду с другими источниками (научными статьями, материалами из учебников, монографий, воспоминаниями и т.п.) – и определяют то, что должно быть сказано в нем, поскольку непосредственно относятся к прошлому, о котором говорится в статье, являясь его свидетельствами.

В рассматриваемом случае интерференции дискурсов в результате включения фрагментов личностно-ориентированного (бытийного) дискурса в публицистический происходит пересечение личной и общественной сфер, тенденция к которому наблюдается в англоязычной прессе уже довольно давно⁹. События, значимые для американского общества в целом, описываются через призму связанного с ними личного опыта индивида, что также является способом воздействия на сознание читателя, для которого опыт непосредственного участника событий, его индивидуальные впечатления, его взгляд на конкретные события, случаи будут представлять ценность.

В таких случаях мы сталкиваемся с эффектом двойного видения, возникающим в процессе интерференции дискурсов: одни и те же события рассматриваются через призму восприятия их разными авторами, каждый из которых находится в рамках определенного социокультурного контекста, эпохи, а также коммуникативной ситуации, которая приводит к созданию текста определенного жанра. Анализ одних и тех же событий прошлого одновременно с позиции автора дневниковых записей и с позиции автора публицистической статьи, актуализация релевантных структур знаний читателя посредством взаимодействующих текстов – все это способствует формированию индивидуального читательского представления о них.

Как отмечалось выше, принимающий публицистический текст и включенные фрагменты дневниковых записей относятся к одним и тем же предметно-референтным ситуациям. Некоторые из составляющих данных

ситуаций, т.е. определенные аспекты действительности, приобретают особую значимость для автора дневниковых записей и, впоследствии, для автора статьи, т.е. становятся с их точки зрения доминантными в рамках предметно-референтных ситуаций.

На наш взгляд, доминантной в описываемых ситуациях является такая составляющая, как место событий, поскольку смена места пребывания, стремление добраться до пункта назначения, чтобы начать на новом месте новую жизнь является главным для участников ситуаций; все остальные составляющие подчинены именно этой цели. Такими компонентами являются, в частности, действия участников, их характеристики, обстоятельства – трудности и испытания, с которыми они сталкивались, а также средства осуществления деятельности.

Рассмотрим, как данные составляющие репрезентируются средствами текстов, которые выдвигают на первый план важные элементы структуры их содержания и заполняют конкретную информацией определенные компоненты когнитивных моделей ситуаций. В анализируемых примерах средствами выделения, в частности, такой доминантной составляющей, как место событий, являются накопление топонимов и названий других географических объектов в принимающем тексте, повтор наиболее значимых из них (*Platte, California*) во включенных фрагментах.

На наш взгляд, такой компонент описываемых предметно-референтных ситуаций, как характеристики участников (в частности, их моральные качества), имплицитно передается во включенных фрагментах дневниковых записей и в принимающем тексте. Так, упоминая о тяжелых испытаниях, которые им пришлось пройти на пути в Калифорнию, автор старается показать стойкость и мужество первопроходцев. Использование эквивалента модального глагола в высказывании «*They had to try it*» также помогает передать смысл «решимость и храбрость». В тексте он выделен курсивом, что дополнительно подчеркивает этот смысл. Упоминание данной информации во включенных фрагментах дневниковых записей и ее иносказательный повтор в принимающем тексте статьи способствуют выделению важных элементов содержания взаимодействующих текстов.

⁹ Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992. – С.110 – 113.

Место событий

Принимающий текст	Включенный текст
<p>The spectacle started at the Missouri River, where feeder trails lit out from Independence, Westport Land- ing, St. Joseph, Council Bluffs, and other frontier towns to converge near Fort Kearny on the River Platte. From the Platte's north fork the trail picked up the Sweetwater River, crossed the Great Divide at South Pass, then dodged one mountain range after another on its way to Fort Hall, a fur post on the Snake River. A bit beyond the fort the main trail split. The right-hand fork – the home- stretch of the Oregon Trail – continued down the Snake toward Oregon. The left fork turned southwest toward California. <...> By one estimate 20,000 people died on the California Trail between 1841 and 1859 – an average of ten graves for every mile (Ibid., p. 37 – 54).</p>	<p>Visit now the journal of W.S. McBride, May 15, 1850, somewhere on the Platte: «I lay here in my tent and hear the merry music and the shuffling of strong men's feet over the turf. I cannot help but feel a melancholy foreboding. ... Some of us are no doubt doomed never to reach California». And some never did (Ibid., p. 54).</p>

Действия участников

Принимающий текст	Включенный текст
<p>But the most popular overland route throughout the 1840s was the main trail along the Platte to South Pass. By the end of '49 it had posted more than 27,000 settlers and Argonauts to California. And in its peak year, 1852, even as other routes wooed increasing numbers of travelers, 50,000 emigrants would funnel through the pass on their way to the nation's newest state. As the overlanders sought ways to shorten the miles, various cutoffs began to span the trail's meanders. From the eastern states most travelers went by sea. There was the long voyage around Cape Horn; or one could put in at the Isthmus of Panama or Nicaragua, cross the steaming jungle to the Pacific side, and arrange passage there by ship to San Francisco (Ibid., p. 40 – 41).</p>	<p>Our journey at an end. ... After six months we had now arrived ... in California. <...> Great God, I thought, what a sight lay before us. ... hundreds of teams stretching forward like a great Caravan in line on the dark & winding trace leading toward the setting sun. <...> We amused ourselves in clambering to the top of it (Independence Rock – прим. мое – В.ИИ.) and in reading the inscriptions till the wagons came up. Five miles beyond this we arrived at Devil's Gate, where the Sweet Water bursts through a spur of the mountain (Ibid., p. 40 – 54).</p>

Средства осуществления деятельности

Принимающий текст	Лексические единицы включенных текстов
<p>So the reality of overland travel was reduced to this: If you were trailing to California, you'd best round up an outfit – a canvas-covered wagon and a team of oxen, mules, or horses. Oxen, the strongest of the three, were generally preferred. As for the wagon, a typical one in the 1840s consisted of a hardwood box about 11 feet long, with bows for the cover topping out 5 feet above the wagon bed. Such a rig could carry a load weighing from 1,600 to 2,000 pounds, depending on the number and condition of the draft animals up front.</p> <p>But most of the emigrants disregarded the obvious limitations of their outfits and hopelessly overloaded them with food and belongings. As a result a winding junkyard soon defined the way west, especially along the Platte, in the deserts, and up the tortured canyons of the High Sierra. The litter included just about everything: bacon, beans, anvils, axes, cookstoves, harnesses, claw-footed tables, and bureaus of carved oak (Ibid., p. 52).</p>	<p>300 mules, the wagons, ropes</p>

Трудности и испытания на пути

Принимающий текст	Включенный текст
<p>The naysayers said it couldn't be done. You'd have to be crazy to try it. No one had ever rounded up a party of tenderfoot emigrants, pointed their noses toward sundown, and, without benefit of compass or reliable map, dared them to bet their boots and wagons – and</p>	<p>Bidwell has been elected secretary of the emigration company. The detailed diary he keeps enables him in later life to render two narrative accounts of the epic journey. Of the Platte, he recalls encountering danger from «innumerable heads of buffalo» thundering down</p>

lives – against the fearsome 2,000 miles between them and California. But at the far edge of Missouri, where the United States of America had come to a full stop, sun-down madness was in some people’s blood. They had to try it. So in the spring of 1841, with prairie grass green-ing up beyond the oak openings, a handful started west. No matter they’d have to abandon their wagons on the arid plains and slaughter their livestock to survive in the mountains. All those who stayed the course – 34 there were – got to California with their boots on. It had never been done that way. But they did it. <...> Yet why would a man pack up his family and set out on a four-month journey – a venture described by one newspaper as «palpable homicide» – when cheap and arable land aplenty was still ripe for the picking in the frontier states of the Mississippi Valley?» <...> Disease was the number one killer: scurvy, smallpox, tick-borne fever, but mostly cholera. From McBride’s class of 1850 cholera felled at least 2,000 even before they could reach Fort Laramie. Drownings took a heavy toll at the river crossings, especially on the Platte and on the Green, which swallowed 37 travelers that year.

The Elephant also arranged for death by acci-dental gunshot, inasmuch as the emigrants tended to be as richly endowed with firearms as they were inept in the proper handling of them. <...> By one estimate 20,000 people died on the California Trail between 1841 and 1859 – an average of ten graves for every mile. What probably put down most of the unlucky ones or made them susceptible to accidents and disease was a combi-nation of contaminated water, inadequate food, and exhaustion from the constant toil.

Contrary to what the handwringers and later the dime novelists would have had the world believe, Indian trouble trafficked little with the mortality rate on the overland trails. Up until 1849 fewer than 50 emigrant deaths were attributed to Indian attack, and many of those occurred along the pathways to Oregon. But as the numbers of overlanders increased, so did the fatal en-counters. By 1860 emigrant casualties totaled close to 400. Even more Indians were killed by the emigrants (Ibid., p. 36 – 54).

*to the river to drink. «We sat up all night shooting at them», he writes, «to keep them from running over us». August 11, 1841. The overlanders have come to a parting of the ways at Soda Springs. Bidwell writes: «Many who purposed in setting out to go immediately through to the California, here concluded to go into Oregon». And in a later account: «After getting all the information we could from Captain Fitzpatrick we regretfully bade good-by to our fellow emigrants. ... We were now thrown entirely upon our own resources. All the country beyond was to us a veritable terra incognita, and we only knew that California lay to the west». Mid-September 1841. **The California-bound begin to jettison their wagons and belongings in the desert of a land not yet known as Ne-vada.** October 22. «... killed the last ox – let this speak for our situation and future prospects». Early November. «Our journey at an end. ... After six months we had now arrived ... in California». <...> Our journey is done, and we hardly know what to do with ourselves. ... **There will be no more Indian alarms, no more stampedes, no more pulling, carrying and hauling at wagons.** ... the gold is here sure enough, for we have seen it. <...> McBride wrote of a man near Scotts Bluff whose «jaw was shot away when a loaded pistol fired from his breast pocket». And of the travelers in Bidwell’s 1841 company the only one to perish on the trail was a young man named Shot-well, who, in the act of drawing a rifle muzzle-first from his wagon, managed to trip its hammer. The eponymous Shotwell «lived about an hour», Bidwell noted, then «died in the full possession of his senses». <...> The first emigrant wagons came through here in 1848, after which time the Carson became the primary gateway to Califor-nia. But was it the easiest way? Hear now Niles Searls, from a diary entry on September 30, 1849: «For eight miles we literally climbed and hauled the wagons by ropes and mules over the jagged rocks which in places were higher than the wagons and perpendicular. ... rested a day and then spent another in getting to the first Summit and were caught in a storm of sleet by which forty mules were frozen to death» (Ibid., p. 39 – 57).*

Следует отметить, что особенности формы и содержания каждого из взаимодействующих текстов обусловлены спецификой коммуникации в той социокультурной ситуации общения, которой они принадлежат. Принимающий текст и включенные фрагменты относятся к одним и тем же предметно-референтным ситуациям, однако социокультурные ситуации общения, с которыми они связаны, отличаются друг от друга, что создает между ними контраст и приводит к тому, что тексты дополняют друг друга в плане содержания: каждый из них передает специфическую информацию о предметно-референтной ситуации, позволяя таким образом взглянуть на нее глазами другого участника.

Уникальность бытийного дискурса, ко-торому принадлежат фрагменты дневниковых записей, состоит в том, что его участниками являются человек и его внутреннее «я», с ко-торым он вступает в диалог об объектах, со-бытиях и явлениях внешнего мира. Дневни-ковые записи посвящены, в основном, теку-щим событиям; цель, которая стоит перед участниками общения, состоит в раскрытии самому себе своего внутреннего мира, фор-мировании своей уникальной точки зрения на внешние события, значимые для участника общения, описании своих индивидуальных впечатлений по поводу данных событий и т.п.

Так, например, в рассматриваемых фрагментах часто встречаются описания

ландшафтов, через которые проходил путь переселенцев в Калифорнию и которые произвели на них сильное впечатление, поэтому для его передачи авторы часто используют эмоционально-оценочную и экспрессивную лексику, сравнения, например, «*During a layover to rest the caravan's mules, Martin and I slipped away and found the place much as the emigrants might have in the 1840s. A large spring, one traveler had noted, gushed from a ledge of rocks, ... from which falls a beautiful cascade of water*». *Altogether, the writer went on, it was «one of the most romantic spots I ever saw».* <...> *In his 1849 diary, one James A. Pritchard had proclaimed the slough to be «a most disagreeable place».* *The water, he went on, «is said to kill stock instantly».* <...> *Up the Platte one is duty-bound to salute the great eroded sandstone landmarks that stand like beacons for the westering traveler – Courthouse and Jail Rocks, Chimney Rock, and Scotts Bluff. The forty-niner Niles Searls thought that Scotts Bluff bore «a good resemblance to an ancient castle» with «stinted trees upon its brow looking like armed men on the battlement. Looked that way to me too, 150 years later».* (*Ibid.*, p. 38 – 56). Сам факт описания пейзажа уже является показателем бытийного дискурса: показывая, какой из аспектов действительности повлиял на него, автор, таким образом, раскрывает свой внутренний мир.

Участниками социокультурной ситуации общения, к которой относится публицистический текст, являются журналисты и читатели. Журналисты являются агентами публицистического дискурса, играющими активную роль в институциональном общении. Читатели выступают в качестве клиентов, которые обращаются к агентам, а также являются представителями общества в целом по отношению к представителям института¹⁰. Целью агента данного вида институционального дискурса является предоставление точной и детальной информации как средства аргументации для того, чтобы убедить читателя в своей точке зрения, поэтому в публицистическом тексте часто встречаются даты, упоминания о местах, по которым проходили переселенцы, количественные показатели, вклю-

чая показатели числа погибших во время переходов и т.п.

Как уже отмечалось выше, журналист привлекает фрагменты дневниковых записей в целях оказания воздействия на сознание реципиента. В этом случае роль фрагментов бытийного дискурса в составе публицистического бесспорна: в результате их взаимодействия история страны, значимые события прошлого раскрываются через частные истории конкретных людей – участников исторических событий, благодаря чему они становятся ближе и понятнее реципиентам.

Если рассматривать взаимодействующие тексты в более широком социальном контексте, то принимающий публицистический текст отражает, на наш взгляд, такую особенность современного американского социума, как интерес к своей истории. Включение в текст статьи фрагментов дневниковых записей также является свидетельством этого интереса, поскольку они в данном случае выполняют роль документальных свидетельств исторических событий, хотя их появление было связано, скорее, с желанием субъекта зафиксировать наиболее значимые для него аспекты действительности.

Авторы нередко включают в статьи фрагменты дневниковых записей в целях подчеркивания основной мысли и выделения такой составляющей предметно-референтной ситуации, как место действий или событий. Данный компонент ситуации и ее когнитивной модели приобретает для автора особую значимость, т.е. становится доминантным, таким образом, в иерархии компонентов когнитивной модели ситуации происходят изменения, что ведет к выдвиганию на первый план некоторых элементов содержания. Авторская интенция в данном случае заключается в том, чтобы выделить определенный аспект действительности. В связи с вышесказанным рассмотрим следующий пример:

A striking number of research universities have also preserved the idea of the academic village. A handful of hermits apart, most scholars prefer to live in a community of scholars in which academic and social life are melded together, preferably in beautiful surroundings. James Watson's account of a walk in Cambridge after he and Francis Crick discovered the double helix of DNA makes the point perfectly:

¹⁰ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С.266.

I slowly walked toward the Clare Bridge, staring up at the gothic pinnacles of the King's College Chapel that stood out sharply against the spring sky. I briefly stopped and looked over the perfect Georgian features of the recently cleaned Gibbs Building, thinking that much of our success was due to the long, uneventful periods when we walked among the colleges or unobtrusively read the new books that came into Heffer's Bookstore.

The Economist, September 10th 2005, p.21)

В данном случае автор статьи также использует фрагмент дневниковых записей в качестве конкретного примера, подтверждающего его точку зрения. Включенный фрагмент помогает выделить в содержательной структуре текста смысл о важности места, в котором созданы все необходимые условия для успешного осуществления научной деятельности. В интексте эксплицитно подчеркивается связь между успехом деятельности и повседневными действиями, совершаемыми в определенном месте (*much of our success was due to ...*), описание которого предшествует экспликации. Выдвижению данного смысла способствует также то, что описание значимых достопримечательностей места событий дано в самом начале включенного фрагмента, т.е. в сильной позиции интекста. Место описания в формальной структуре текста также помогает привлечь внима-

ние читателя именно к определенной составляющей предметно-референтной ситуации.

Изменения в иерархии компонентов когнитивной модели ситуации (когда доминантной составляющей в ней становится место событий) происходят благодаря интенции автора, состоящей в том, чтобы помочь читателю по-новому взглянуть на ситуацию, модель которой зафиксирована в структуре знаний и опыта реципиента (в данном случае речь идет о модели ситуации «научное открытие»), а также выделить аспект действительности, которому раньше, возможно, уделялось недостаточно внимания при описании подобных предметно-референтных ситуаций. Результатом данного процесса является обновление когнитивной модели ситуации в сознании реципиента: определенный компонент когнитивной модели ситуации наделяется новыми аксиологическими характеристиками.

В данном примере автор при помощи фрагмента дневниковой записи знаменитого ученого подчеркивает мысль о важности университета как места, в котором царит особая атмосфера, благоприятная для проведения научных исследований. Фрагмент дневниковой записи выступает также в качестве ссылки на авторитет, что играет важную роль в процессе воздействия на сознание реципиента.

FRAGMENTS OF THE BEING DISCOURSE WITHIN THE MEDIA DISCOURSE

© 2008 V.D.Shevchenko

Samara state university

The paper deals with the problem of interrelations between various types of discourse. It investigates role of the being discourse fragments within a framework of the modern English media discourse.